

В. Арутюнян

Архитектурные памятники Двина

Период IV - VII в. в. является периодом формирования армянской национальной архитектуры. Этот период в истории архитектуры Армении представляет огромный научный интерес. Расширение круга ранних, как светских, так и церковных памятников Армении и серьезное изучение их имеет колоссальное значение с точки зрения выявления истоков и взаимосвязи архитектуры Армении с архитектурой народов соседних стран. Оно необходимо и для того, чтобы окончательно установить несостоятельность установок, относящихся ко времени формирования армянской национальной архитектуры, которые, к сожалению, проникли в классические труды по истории архитектуры (О. Шуази и др.).

В связи с данной серьезной научной проблемой встает вопрос о необходимости исследования тех городов и исторических центров Армении, которые являлись очагами формирования и развития национальной культуры, крупными центрами международной торговли и центрами скрещивания культуры Армении и соседних стран.

К сожалению, надо констатировать, что многие города и важнейшие исторические центры древней Армении, как, например, Армавир, Аргашат, Гарни и др., по сей день не исследованы. Под толстым слоем веками образовавшегося земляного покрова скрываются остатки былых, когда-то бурно процветавших городов и населенных пунктов.

Счастливым исключением в этом отношении представляет крупнейший центр средневековой Армении, столица армянских Багратидов—Ани, которая, благодаря исключительному научному энтузиазму академика Н. Я. Марра и его лучшего соратника И. А. Орбели, подвергалась систематическому и очень детальному изучению. Анийские археологические кампании, начатые с 1892 г., регулярно проводившиеся, начиная с 1903 г. и продолжавшиеся вплоть до 1914 г., дали богатый научный материал, обработанный Н. Я. Марром и И. А. Орбели.

На очереди ждущие исследования другие городища и исторические центры древней и средневековой Армении. Одним из таких центров является городище Двин, который на протяжении почти одного тысячелетия (с начала IV и до XIV в. в.) являлся крупнейшим политико-административным и культурным центром древней и средневековой Армении и Закавказья. Пожалуй, ни один из городов

Армении не знал такого продолжительного периода жизни и не претерпевал такой исторической судьбы, как Двин.

Превращение Двина в крупный город страны совпадает с процессом формирования и мощного подъема в VII в. армянской национальной культуры. Двин являлся важнейшим очагом этого процесса. Раскопки города обещали дать богатый материал, освещающий ряд вопросов гражданской и церковной архитектуры.

Для разрешения отдельных научных проблем истории архитектуры Армении исследование таких археологических объектов, как Двин, может дать гораздо больше, чем изучение отдельных, хотя-бы очень важных по своему значению памятников архитектуры.

От раскопок городищ—писал Н. Я. Марр, несомненно имея в виду и Двин—наука ищет тех положительных данных, которые могли бы явиться желательной опорой, а в иных случаях и исходной точкой для правдивого освещения прошлого Армении в эпоху перехода от парфянского царского режима, изменившего местный родовой быт, к феодальным устоям: от языческих верований к христианским уставам. Эти данные особенно желательны, ввиду густого легендарного тумана, окутывающего весь строй древнеармянской жизни и все умственные течения Армении в первые века христианства*.

Раскопки Двина были проведены Институтом Истории Армянского Филиала Академии Наук СССР (ныне Академия Наук Армянской ССР) в 1937—1939 г. г. и после перерыва возобновлены с 1946 г. Отчеты о раскопках Двина по сей день остаются неопубликованными. Появились лишь некоторые статьи, затрагивающие отдельные вопросы. Подготавливавшийся к печати предварительный научный отчет о раскопках Двина не был издан в связи с войной и смертью научного руководителя раскопок доктора исторических наук профессора С. В. Тер-Аветисяна. Аналогичная картина наблюдается так же в отношении архитектурных памятников, открытых раскопками.¹

Прежде чем кратко охарактеризовать эти памятники, считаю необходимым дать некоторые исторические справки об истории города Двина и его роли в политической и экономической жизни Армении в Закавказья, а также об истории изучения его развалин.

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДВИНЕ

Время образования Двина, как населенного пункта, пока точно не установлено.

Армянские историки V века Фавст Бузанд, а затем Моисей Хоренский свидетельствуют о том, что царь Хосров II по прозвищу

¹ Настоящая статья является кратким изложением моей монографической работы об архитектурных памятниках Двина.

Кодак (332—338 г. г.) основал свою резиденцию к северу от столицы Арташат на холме, называвшемся Двин, что по-персидски означает холм.

Перемещение резиденции из столицы Арташат в Двин было обусловлено изменением климатических условий столицы, по всей вероятности, вызванным изменением русла реки Аракс, и появившейся в связи с этим эпидемией заболеваний. Это заставило жителей Арташата охотно согласиться на постепенное переселение в Двин.

Согласно тем же источникам царь Хосров II покрыл искусственным насаждением огромные массивы, простирающиеся между „сильной царской крепостью Гарни“, холмом Двина и берегом реки Аракс.

Город Арташат, судя по другим историческим сведениям, до половины V века еще продолжал сохранять свое значение политико-административного центра страны.

Двин, как город, впервые упоминается в армянских источниках, относящихся ко времени царствования персидского царя Пероза (459—484), а также в связи с перенесением престола католикоса Гюта (461—478 г. г.) из Вагаршапата в Двин.

Двину не суждено было продолжительное время быть резиденцией армянских царей. В 426 г. Сасанидская Персия устраняет армянскую царскую династию Аршакидов, утвердив свое господство над частью Армении путем назначения своих правителей (марзпанов). Двин становится административным центром марзпанской Армении.

В течение V—VI в. в. всилу* ряда благоприятных исторических предпосылок, он расцветает и становится крупным центром торговли и ремесл. В этот период он участвует в транзитной торговле изделиями своих ремесленников (шелковая ткань, керамика, оружие, краски, вина и т. д.).

К этому же периоду может быть отнесено строительство стен города и ряда монументальных светских и церковных зданий.

В середине VII века под мощным натиском арабов низвергается владычество Сасанидского Ирана и устанавливается господство арабов на долгое время, почти на протяжении трех столетий.

Этот период является наиболее тяжелым периодом не только для Двина, но и для всей Армении.

Являясь столицей арабских правителей, Двин сохраняет свое торгово-промышленное значение. По косвенным историческим данным число его жителей в этот период доходит до 100.000.

С половины IX века арабский халифат начинает распадаться. Вассальные страны постепенно отделяются, образуя царства и мелкие эмирства.

Борьба армянского народа за свою национальную независимость и свободу завершается возрождением армянской государственности, созданием армянских царств Багратидов и Арцрунидов.

В стране наблюдается новый подъем экономики и культуры;

блестящим результатом этого подъема в первой половине X века является возвышение города Ани—столицы армянских Багратидов.

Двин постепенно уступает свое первенство новой столице, сохранив после нее свое торгово-промышленное значение и являясь административным центром арабов а затем мусульманских эмиратов.

В последующих веках имеет место медленный распад города который усиливается в течение монгольских нашествий и их кратковременного хозяйничания в XIII—XIV в. в.

Непрерывные войны, необеспеченная жизнь в связи с экономической разрухой заставили жителей постепенно покидать город.

С XIV века, почти после 1000-летней жизни, Двин, как город, исчез с исторической арены.

В покинутом городе воцарилась стихийная разруха.

Века наложили свою печать, полуразрушенные дома постепенно покрылись толстым слоем земли, сохранив под собой остатки культурных ценностей когда-то бурно процветавшего города.

История изучения развалин Двина

После падения Двина мы долго не имеем письменных о нем сведений, и только в дневнике летописца XVII века Захария Акулисского снова упоминается Двин, но не как город, а селение, которое, очевидно, возникло в районе развалин города.

С начала XIX века Двин становится объектом научного интереса различных путешественников и историков.

Из посетивших развалины Двина впервые член братии Зчмидзинского монастыря Тагдаян в 1816 г. говорит о них как о развалинах бывшего города Двина. Остальные путешественники первой половины XIX века—члены британской миссии в Персии Роберт Кер-Портер (1817—1819 г. г.) и Джеймс Морниер (1818 г.), офицер британской армии Джон Джонсон (1819 г.), и французский путешественник Дюбуа де-Монпере, побывавшие на развалинах города и осмотревшие их, ошибочно принимают эти развалины за остатки Арташата. Кер-Портер и Дюбуа де-Монпере, публикуя описание развалин и суждение о них, дают составленную ими самими приблизительную карту развалин с указанием расположения крепостных стен и местонахождения цитадели города. Венецианский мхитарист архимандрит Г. Инджиджан в своем труде „Описание древней Армении“ обращает внимание на недоразумение, возникшее в связи с вопросом о месте нахождения Арташата, и указывает, что ряд иностранных путешественников смешивает Арташат и Двин.

После сравнительно большого перерыва, в 1890 г. ученый мхитарист Алишан в своем объемистом труде „Айрарат“, добросовестно рассматривая все исторические данные о Двине, но опираясь на мнение посетивших развалины Двина иностранных путешественников, повторяет их ошибку, путая развалины Арташата и Двина.

Первое археологическое обследование развалин предпринимает

в 1899 г. Н. Я. Марр; после раскопок в двух пунктах, в целях предварительного ознакомления, Марру все же не удалось выяснить вопрос: принадлежат развалины древнему Арташату или Двину.

Второе археологическое обследование Двина производит эчмиадзинский архимандрит Хачик Дадиян в 1907 г. В опубликованном им письме в журнале „Арагат“ за 1907 г. Дадиян рассказывает, что он частично раскопал соборную церковь св. Григория и другую церковь св. Саркиса, причем обнаружил несколько архитектурных фрагментов.

В 1913 г. посещает развалины Двина профессор Венского университета Иосиф Стржиговский, который в своем капитальном двухтомном труде „Архитектура армян и Европа“ (на немецком языке) приводит исторические сведения о Двине, описание остатков храма св. Григория, искаженный поспешными обмерами план соборного храма.

К систематическому археологическому обследованию Двина было приступлено лишь в годы советской власти, а именно, начиная с 1937 г. Раскопки проводились в течение 1937, 1938 и 1939 г. г. и временно были приостановлены в силу ряда причин. За это время была раскопана не очень большая территория города, но в его центральной части. Правда, объем проведенных раскопок и состояние открытых памятников пока исключают возможность широких обобщений, тем не менее эти памятники и отдельные архитектурные фрагменты дают нам интересный и свежий материал.

В течение последних лет в связи с интересом, проявленным к раскопкам и частично на основании их результатов, издан ряд статей и монографий. Таким образом, как мы видим, научный интерес, проявленный к Двину с начала XIX века, дал возможность накопить значительный литературный материал по истории города, а также по описанию некоторых найденных там предметов и памятников.

С 1946 г. возобновлены раскопки Двина. Они будут систематически продолжаться в течение ряда лет и несомненно обогатят имеющиеся материалы. Раскопки дадут возможность обнаружить остатки других монументальных построек и относящиеся к ним архитектурные детали, которые во многом восполнят наши представления об архитектуре столь важного центра древней Армении.

* *

Прежде чем перейти к описанию отдельных памятников и архитектурных деталей, нахожу необходимым уделить несколько слов вопросам строительной техники и использованных в постройках строительных материалов.

В Двине мы имеем интересное, очень своеобразное переплете-

Соборный храм св. Григория

Это почти единственный памятник, о постройке которого имеются наиболее достоверные сведения у древних историков. Первоначальный храм св. Григория был построен в V веке князем Вардаином Мамиконяном из кирпича и дерева на месте смешанного храма огнепоклонников. Об архитектуре этого храма можно судить на основании одного исторического свидетельства. Историк V века Лазарь Парбский повествует о том, что в 485 г., в ознаменование назначения Вагана Мамиконяна марзпаном Армении в Дивне, в храме св. Григория происходили торжества, причем, как сообщает историк, «...не мог вместить божий дом всех (желающих), собрались (они) в наружных сенях церкви и на многих местах улиц, площадей вокруг церкви». Таким образом, на основании вышеприведенного исторического свидетельства нетрудно заключить, что первоначальное здание храма св. Григория представлял собой базилику с наружной колоннадой. Этот тип храма преобладал в Армении в начальный период распространения христианства. (IV—VI в. в.). Напомню из них Ереруйскую, Текорскую, Касахскую и др. базилики.

Первоначальное здание храма св. Григория было разрушено персами в 572 г. при восстании армян.

Постройка нового храма на месте прежнего начата, по свидетельству историка Себеоса, при марзпане Сьбате Багратуни и католикосе Абраме Рштуни (608—615 г. г.) и завершена при католикосе Комитасе (615—628 г. г.).

По свидетельству того же историка, храм строился очень близко от крепости, и это обстоятельство вызвало возражение со стороны коменданта крепости. Открытые развалины храма полностью подтверждает это историческое свидетельство. Остатки храма совершенно незначительные. Можно лишь проследить контур его плана по сохранившимся местами стенам из камня чистой тески в два-три ряда высотой.

Приведенный в книге И. Стржиговского „Die Baukunst der Agshenig und Egora“ план соборного храма св. Григория совершенно не точен ввиду поспешного (как признает сам Стржиговский) обмера. Раскопки, проведенные здесь в 1939 году, дали возможность полностью уточнить его контуры. Судя по размерам плана (44.07 м × 22.54 м) это один из грандиознейших соборов древней Армении.

План храма представляет собой видоизмененную композицию купольной базилики—тип церкви, распространенный в Армении в начале VII века (Мрен, Багаван и др.). Отличие от купольных базилик заключалось в том, что здесь имелись в северной и южной стене абсиды, полукруглые внутри и пятигранные снаружи. Алтарная абсида также выступала, образуя снаружи гребенчатую стену. Это—особенность ранних храмов Армении. Купол храма поддержи-

вали 4 мощных пилона, стоявшие посередине храма и соединенные между собой и стенами — арками (рис. 2).

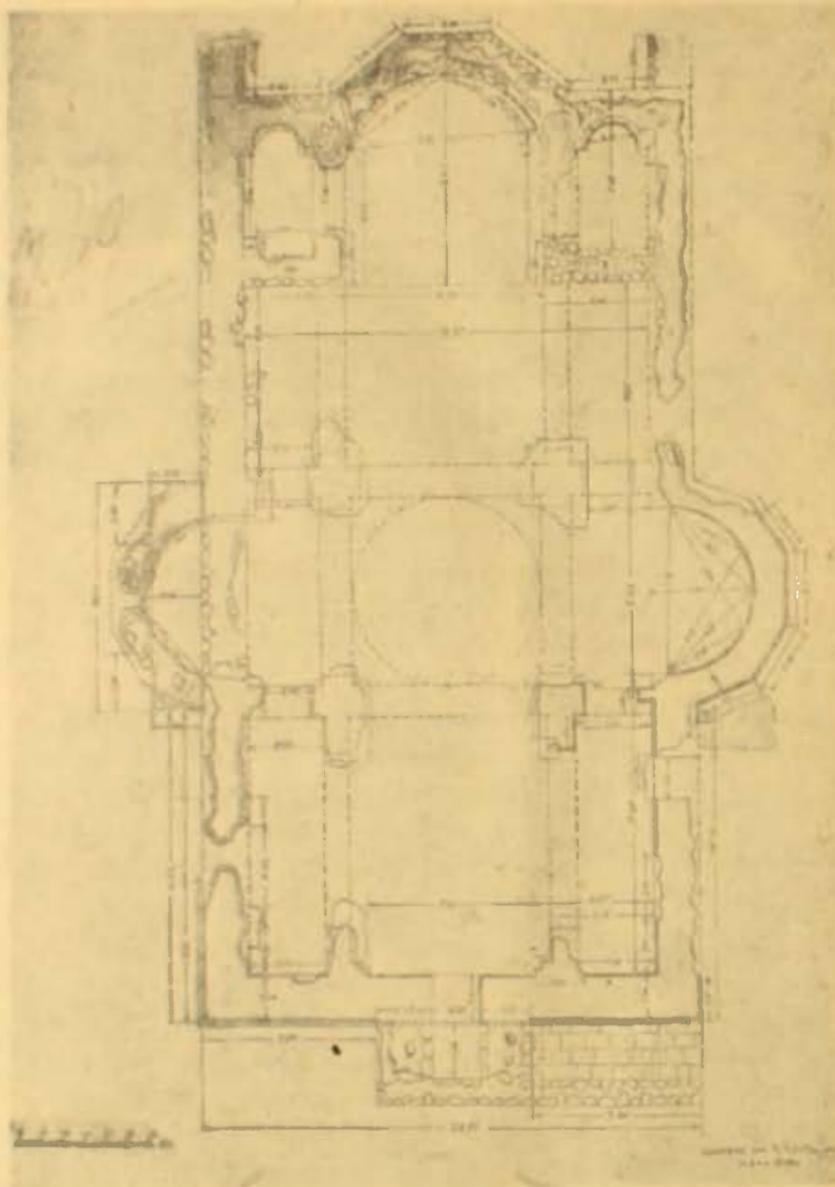

Рис. 2

Таким образом, на примере соборного храма в Двине мы имеем возможность проследить еще один тип храмовой архитектуры в Армении. Этот тип является синтезом планового решения купольной базилики и храмов крестообразного типа.

Об объемной форме храма можно судить на основании единственного сохранившегося представителя этого типа в Армении — большого храма в Талине, построенного в конце VII века. При дальнейшем расцвете армянской архитектуры в последующих X—XI в. в. этот тип совершенно не повторялся.

Грузинские кафедралы XI в. — храмы Баграта в Кутаиси и Алланерды в Кахетии, в плановом решении которых Стржиговский усматривает связь с типом храмов Двин—Талин, настолько отдаленно напоминают последние, что весьма затруднительно установить подчеркнутую связь между ними.

Раскопки храма св. Григория в Двине и исследования его остатков, а также имеющиеся точные и исторические сведения дают возможность утверждать, что этот тип храмового зодчества появляется в Армении не в X веке (как это полагает проф. Г. Н. Чубинашвили в своем труде „Die grosse Kirche von Thalin in Armenien“), а гораздо раньше, а именно в начале VII века.

Патриарший дом

Остатки патриаршего дома в Двине и сохранившиеся архитектурные детали представляют наибольший интерес среди всех остальных памятников, открытых раскопками. Развалины этого дома находятся в непосредственной близости от соборного храма с северной его стороны.

Точных исторических и эпиграфических данных о времени строительства этого весьма интересного сооружения не имеется. Датировать памятник можно лишь на основании косвенных исторических свидетельств и архитектурно-художественного анализа его деталей.

Исторические данные говорят о том, что католикосат был переведен из Вагаршапата в Двин в 470-71 г. при католикосе Гюте. Другое историческое свидетельство говорит о том, что при пожаре храма св. Григория в 572 г. часть церковной утвари была перенесена в патриарший дом. Эти сведения дают нам основание искать дату постройки Двинского патриаршего дома между 470-471—572 г. г. Анализ архитектурных деталей подтверждает вышесказанное.

План патриаршего дома представляет собой прямоугольник с расположенным посредине большим колонным залом размером 26,7 × 11,4 м по бокам которого с севера и юга были расположены по 5 комнат, двери которых открывались в колонный зал. В колонном зале в продольном направлении в два ряда стояли по 4 колонны. Базы этих колонн сохранились частично полуприкрытые поздним кирпичным полом (рис. 3). Сохранилась также одна из капителей колонн и фрагменты другой. Капители значительных размеров по форме воспроизводят деревянные образцы (Севанская капитель). На верхней поверхности аббаки имеется продольное углубление для деревянной балки (рис. 4 и 5), капитель такой же объемной формы имеется в Талише. Ее относят к дворцу Григория Мамиконяна. Развалины этого дворца находятся рядом с большим Аручским храмом и еще не раскопаны.

В мнениях по поводу архитектуры колонного зала имеется расхождение между его исследователями. Архитектор Токарский Н. М. в своей книге „Архитектура древней Армении“ (стр. 45) высказывает мнение, что этот зал вовсе не являлся залом, а лишь открытым двориком, окаймленным с обеих сторон колоннадой, поддерживающей перекрытие галлерей. Там же он допускает возможным предположение (без указания на автора) о том, что зал мог быть перекрытым. Такое мнение сложилось у меня в 1943 году (о чем я имел

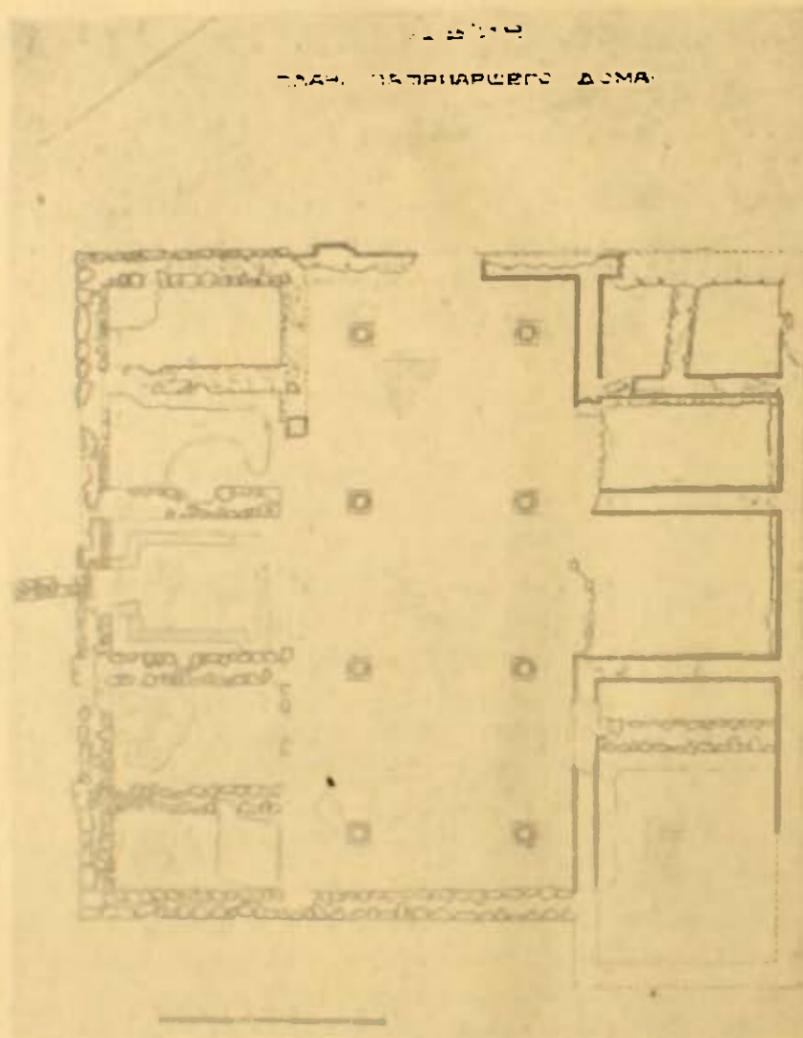

Рис. 3

возможность доложить публично) на основании анализа плана патриаршего дома. Пришлось обратить внимание на очень любопытное обстоятельство: колонны в зале расставлены так, что они находятся на равном друг от друга расстоянии, при том не только в продольном, но и в поперечном направлениях. Таким образом, в среднем нефсе они образуют три квадрата со сторонами почти 8 метров.

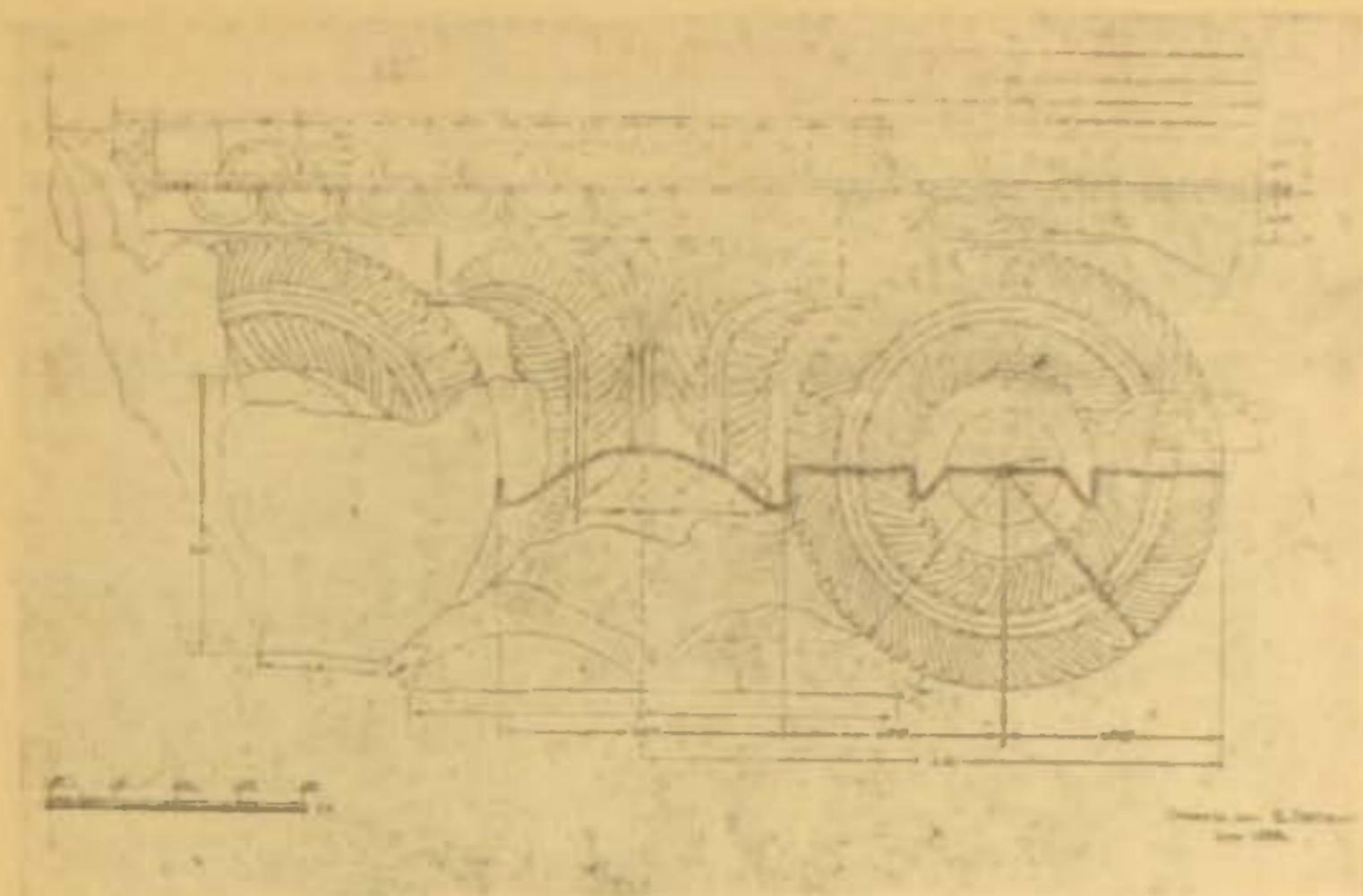

Рис. 4

Рис. 5

В конструктивном отношении кажется вполне логичным, что такая расстановка колонн была сделана именно для перекрытия колонного зала. Самое же перекрытие представляется мне в виде деревянных куполообразных перекрытий армянских народных жилищ—глхатунов или азарашенов, осуществлявшихся путем накладывания ряда горизонтальных балок с постепенным сокращением их размеров для замыкания купола со световым отверстием посредине—ердиком (рис. 6).

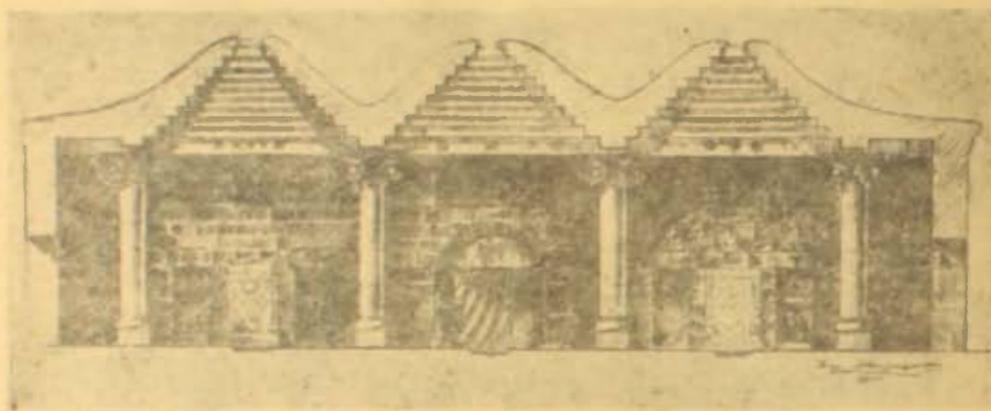

Рис. 6

Воспроизведение архитектурных форм армянского народного жилища в патриаршем доме кажется совершенно естественным, так как, являясь светским зданием, он несомненно имел общие черты с народным жилищем вообще.

Для подтверждения вышеприведенного предположения может служить также ряд других доводов. Из них я приведу лишь некоторые: так, например, стены патриаршего дома, выложенные из чисто тесанного туфа на известковом растворе, имеют два основных размера толщины—0,90 м и 1,02 м. Последний размер прослеживается только в отношении наружных стен, что же касается внутренних стен, в том числе продольных стен колонного зала, все имеют толщину 0,90 м. Это, очевидно, говорит о том, что продольные стены колонного зала были внутренними, т. е. зал был крытым. Об этом же свидетельствует форма капители колонн, которая очень породняет ее с деревянными образцами, часто встречающимися в упомянутых выше народных жилищах Армении и Грузии.

Воссоздание всего архитектурного облика патриаршего дома, к сожалению, невозможно ввиду плохой сохранности его остатков.

Из архитектурных деталей, относящихся к патриаршему дому, кроме капители надо еще отметить базу тех же колонн. Любопытно исключительное их сходство как общими формами, так и основными размерами с базами колонн Звартноца, увенчанных капителями с плетенкой. К патриаршему дому должны быть отнесены также обломки архивольтов, обнаруженных у его развалин (рис. 7).

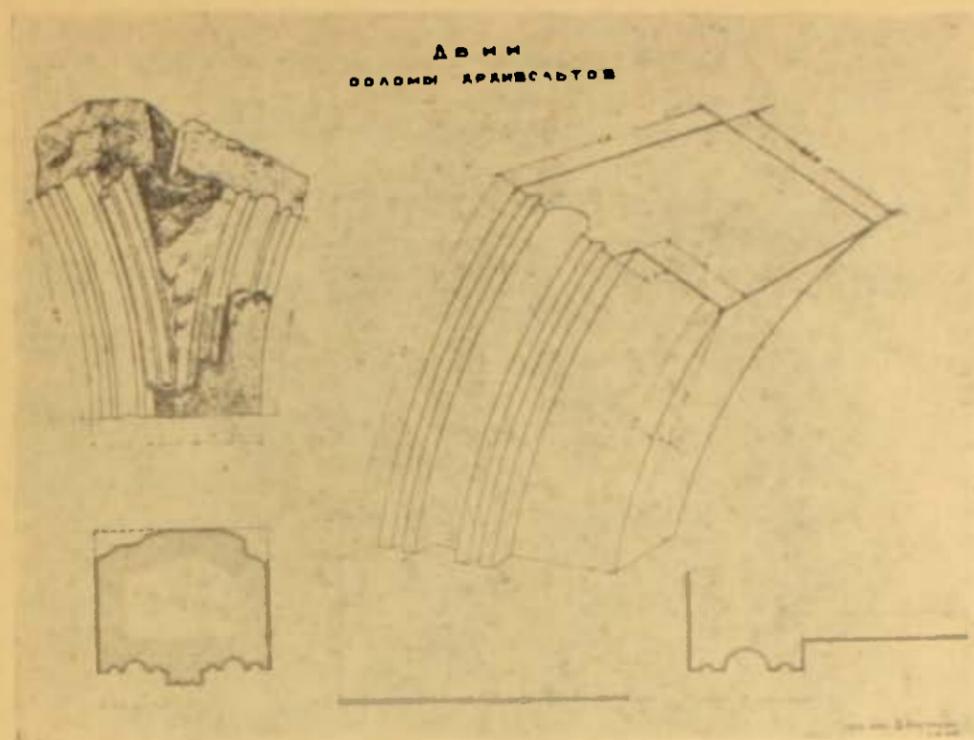

Рис. 7

Остатки однефной базилики

Развалины этой базилики находятся в непосредственной близости с патриаршим домом, в его восточной стороне.

Сохранились незначительные остатки стен высотой 1—2 ряда. Стены выложены на известковом растворе из грубо-вытесанного туфа. Особого внимания заслуживает толщина стен, превышающая местами два метра. Это обстоятельство, а также общая форма плана дают основание полагать, что мы имеем дело с одной из древнейших построек Двина.

На основании исторических свидетельств известно, что на этой территории были построены часовни над могилами Манучихра Ражика в 549 г. и несколькими годами позже — Ездбозида.

Возможно, что остатки однефной базилики представляют собой остатки одной из часовен, упоминаемых историками.

С внутренней стороны стен однефной базилики имеются выступы наподобие делястр. Как не трудно предположить, на них опирались подпружные арки цилиндрического свода (рис. 7).

Анализ плана двинской однефной базилики и его сравнение с аналогичными памятниками (Гарни, Егварт, Ширванджук, Ани и т. д.) дают право датировать памятник V—VI веками.

Другие гражданские постройки

Кроме перечисленных выше монументальных памятников в Двине, в процессе раскопок на возвышенности главного холма (цитадели) и его северного склона был открыт ряд жилищ и построек

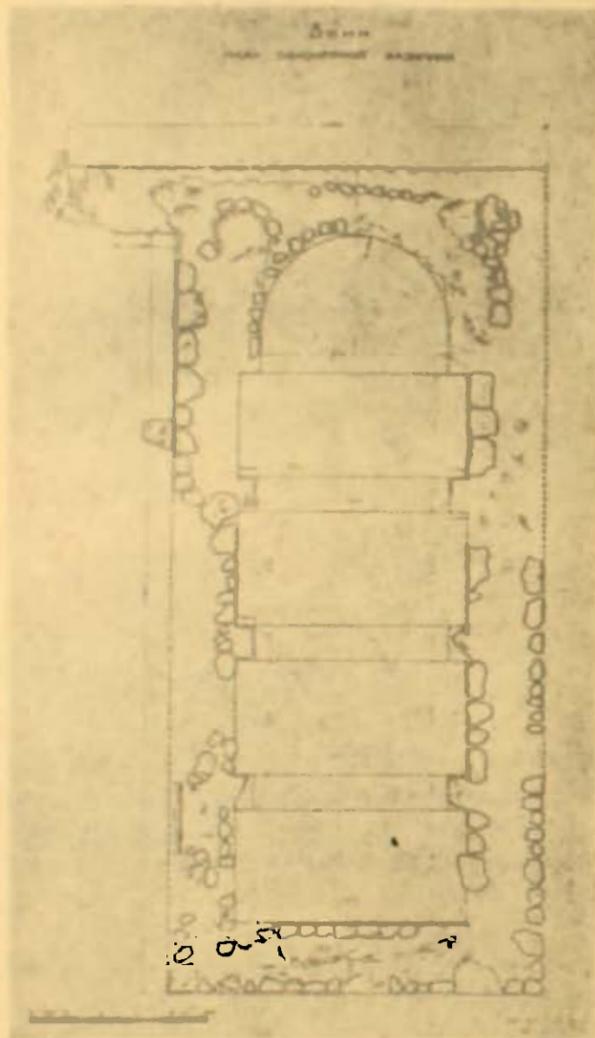

Рис. 4

производственного характера. Эти постройки относятся к последнему этапу истории города, и появились они, очевидно, на развалинах ранее существовавших монументальных зданий аршакидского периода.

В архитектурном отношении они особого интереса не представляют и сохранились в незначительных остатках. Но значительный интерес представляют найденные здесь архитектурные детали (литой гипс, декоративная облицовка стен из кирпичиков).

Наиболее характерным из жилищ Двина является обнаруженный на северо-западном склоне цитадели жилой дом с нишей, обрамленной литым гипсом с изображением звериного гона. Точно такая же деталь была найдена при раскопках Н. Я. Марра в Ани. Эти памятники могут быть датированы XIII—XIV веками.

Объем настоящей статьи не дает возможности остановиться на других менее значительных памятниках.

Большой научный интерес представляют найденные в Двине и его окрестностях различные архитектурные детали, которые, несо-

менно, происходят из монументальных построек Двина. Они являются важными вещественными документами для воссоздания архитектурного облика ныне несуществующего города.

Из найденных в Двине многочисленных архитектурных фрагментов считаю необходимым остановиться на нижеследующих

1. *Античные базы*. Первая из них довольно правильно воспроизводит форму аттической базы с двумя валами и со скоцией между ними. Характерной чертой этой базы является отсутствие квадратного плинта. Вторая база отдаленно напоминает классическую базу, как бы сделана под ее впечатлением. Здесь в нижней части имеется квадратный плинт. В состав базы входят три вала, и скоции заменены обратными выкружками, что не характерно для классических форм. Очевидно, мы здесь имеем пример ассимилированной в Армении античной формы (рис. 9). В бетонном массиве южного пило-

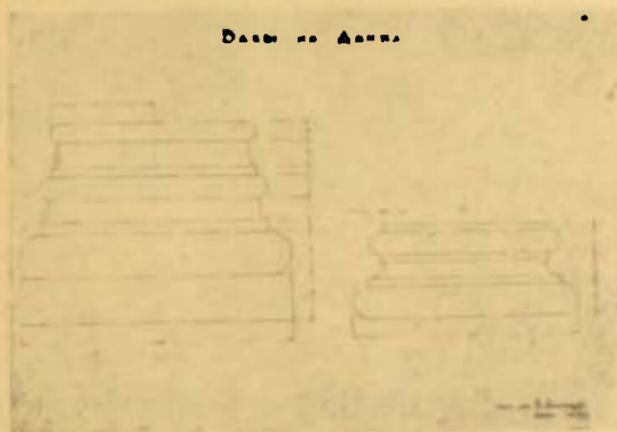

Рис. 9

на храма св. Григория мной были обнаружены фрагменты каннелированного стержня колонны. Очевидно, эти обломы в начале VII века при строительстве соборного храма были использованы в качестве щебня в бетоне. Наличие вышеперечисленных фрагментов позволяет говорить о наличии в Двине построек с явно выраженными чертами античности.

2. *Капители*, приписываемые церкви св. Сергия, были найдены в 1907 г. архимандритом Дадияном. Стржиговский причисляет их к группе шаровидных капителей, что, конечно, совершенно неправильно. Будет правильнее эти капители сравнивать с капителями храма Звартноц (рис. 10 и 11). По историческим данным строитель храма Звартноц католикос Нерсес III, прежде чем перенести католикосат в новую резиденцию близ Эчмиадзина, жил в Двине. По тем же данным он похоронил всех убитых арабами армян при их первом взятии Двина в октябре 640 года и на месте погребения построил церковь св. Сергия. Им же построена другая церковь в Хор-

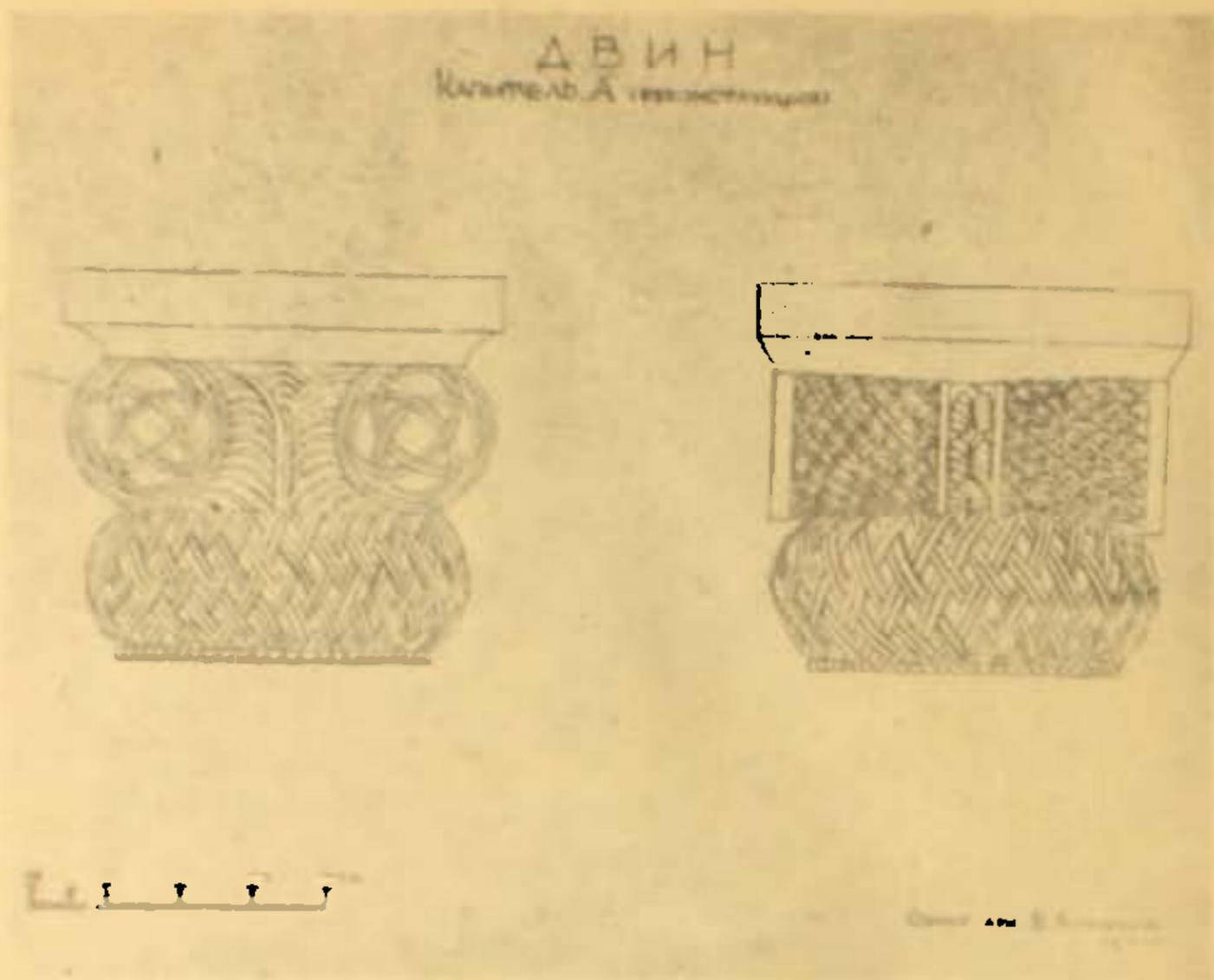

Рис. 10

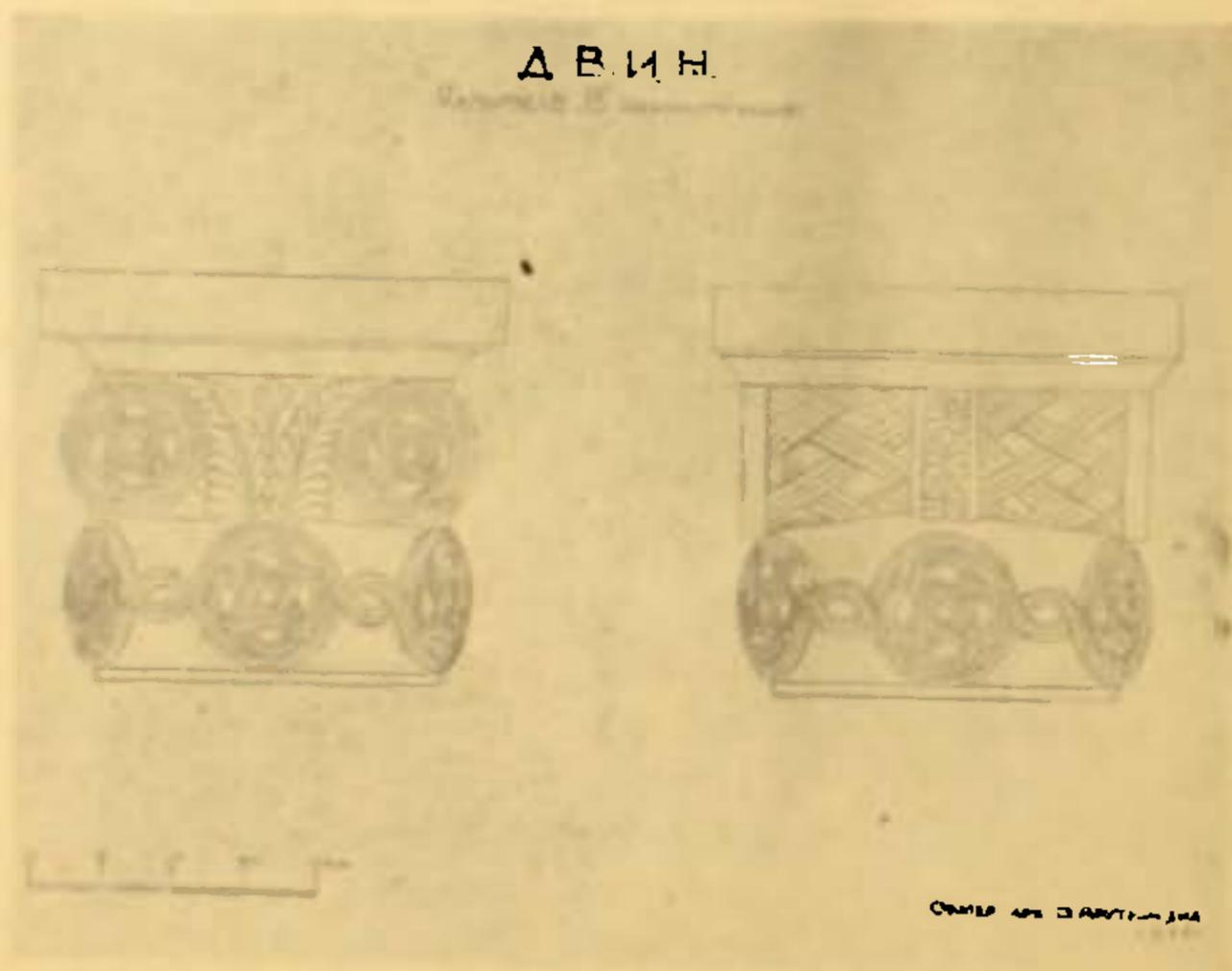

Рис. 11

Вирапе. Таким образом, Нерсес III, который за свою энергичную деятельность получил прозвище Строителя, начал эту деятельность еще в Двине, прежде чем приступить к осуществлению своего грандиозного замысла по возведению великолепного Звартноца.

Сравнение ряда архитектурных фрагментов Двина (архивольты, капители, базы) с аналогичными фрагментами из Звартноца позволяет проследить значительное сходство их форм и даже размеров, причем известно, что постройки Двина хронологически предшествуют храму Звартноц.

Это обстоятельство позволяет поставить в ином свете вопрос о византийском влиянии на Звартноц, поставленный некоторыми исследователями армянской архитектуры, главным образом, имея в виду византинофильство Нерсеса III.

3. *Барельеф с изображением сбора винограда.* Этот фрагмент был найден на кладбище с. Арташат, где он был использован как надгробный камень. Мы имеем лишь половину всей композиции с крестом посередине. Очевидно он украшал верхнюю часть дверного проема. Это, можно сказать, единственный фрагмент из Двина, дающий возможность говорить о характере украшения двинских построек и очень убедительно подтверждающий глубокую связь искусства Армении с бытом и занятиями народа, его подлинно народные истоки. Плита датируется не позднее VII века.

Достойны внимания также фрагменты декоративной облицовки стен, найденные на возвышенности холма при раскопках 1939 года. Узоры выполнены инкрустацией фигурных обожженных кирпичей в массу раствора. Они относятся к постройкам, возведенным в Двине в XII—XIII в. в.

На остальные архитектурные фрагменты, несмотря на их большой интерес, не нахожу возможным здесь подробно остановиться.

Общие выводы, которые могут быть сделаны на основании разобранных мной архитектурных памятников Двина, следующие:

1. Раскопанная в течение 1937—1939 г. г. территория холма, так называемая Топрах-кала северо-западнее селения Арташат, Арташатского района Армянской ССР и открытые при этом остатки архитектурных памятников, принадлежат древней столице Армении—Двину. Вся территория (большой частью еще нераскопанная), расположенная между селениями Арташат, Топрах-кала, Айгестан, Тапабаш, была в свое время занята Двином, а не другой древней столицей — Арташатом, как это неоднократно предполагал ряд путешественников и ученых XIX столетия.

2. Так как город Двин, основанный при армянских Аршакидах в начале IV века, стал до половины VII века политическим, экономическим и культурным центром марзпанской Армении и одним из важнейших очагов формирования национальной архитектуры страны, обнаруженные в результате раскопок памятники, несмотря на их

плохую сохранность, имеют большое значение при изучении архитектуры древней Армении.

3. На архитектуру Двина раннего периода значительно повлияла архитектура древней столицы Армении—г. Арташат, находившейся недалеко от Двина, основанной во II веке до н. э. и развивавшейся, по сведениям историков, в условиях широкого распространения эллинизма в странах Передней Азии. Найденные в Двине и в его окрестностях архитектурные фрагменты с явно выраженными чертами подражания классической архитектуре подтверждают вышеприведенные предположения.

4. Архитектура отдельных памятников, а также характер найденных фрагментов указывают на возможность существования здесь самостоятельной архитектурной школы.

5. Наличие в Двине храма св. Григория, основанного в начале VII в. (в 608 г.), композиция которого почти полностью повторена в конце VII века в большом храме Талина, бесспорно говорит о том, что этот тип в Армении был разработан в VII, а не в X веке.

6. Расположенные с северной стороны Двинского собора св. Григория развалины представляют собой остатки Двинского патриаршего дворца, одного из редчайших представителей светской архитектуры древней Армении. Опираясь как на художественно-декоративные признаки, так и на имеющиеся косвенные исторические свидетельства, можно полагать, что дом Двинского католикосата (патриарший дворец) построен между 470-471--572 г. г. В архитектуре патриаршего дворца воспроизведены формы армянского народного жилья, а перекрытие колонного зала было осуществлено деревом. Расположенные в зале 8 колонн поддерживали 3 деревянных постепенно суживавшихся купола со средними световыми отверстиями.

Сравнение отдельных архитектурных деталей дворца с деталями других памятников, построенных позже (храм Звартноц, дворец князя Григория Мамиконяна в Аруче)—говорит о бесспорном влиянии архитектуры патриаршего дворца в Двине, в частности, и памятников Двина вообще.

7. В период арабского владычества и позже (точная дата не установлена) здание патриаршего дворца было приспособлено для других целей, по всей вероятности, для мечети, в пользу чего говорят как историческое свидетельство, так и поздние пристройки и отдельные архитектурные фрагменты непосредственно не относящиеся к древним формам дворца.

8. Найденные в Двине и в его окрестностях различные, весьма интересные архитектурные фрагменты говорят о наличии в Двине еще нераскопанных остатков монументальных зданий, имеющих важное значение для изучения древне-армянской архитектуры вообще.

9. Расположенный на северном склоне Двинского холма дом с

нишей ясно показывает, что на протяжении XIII века Двин жил, и в нем велось строительство в соответствии с художественными вкусами этого времени.

10. Изучение материалов по архитектуре Двина подтверждает настоятельную необходимость продолжения раскопок. Эти раскопки, несомненно, дадут много нового и интересного, они помогут исследователю сделать более широкие и углубленные обобщающие выводы как по вопросу об архитектуре Двина, так и по вопросу о ее месте и значении в развитии национальной архитектуры Армении и архитектуры переднеазиатского востока вообще.